
О ПРИЧИНАХ МИРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ КРИЗИСОВ: МОДЕЛЬ УПРАВЛЯЕМОГО КРИЗИСА

Сулакшин С. С.

д. ф.-м. н., д. полит. н., профессор.

E-mail: editor@rusrand.ru, frpc@cea.ru

Статья посвящена анализу актуальной на сегодняшний день проблематики механизма возникновения мировых финансовых кризисов. На обширном статистическом материале автор выявляет пробелы в существующих теориях, объясняющих генезис кризисных явлений в мировой экономике, и предлагает свою модель управляемого кризиса. Согласно авторской точке зрения, финансовые кризисы в мировом масштабе на протяжении последних двух веков являются результатом целенаправленной деятельности. Исследование основано на междисциплинарном подходе.

Ключевые слова: финансовые кризисы, кондратьевские циклы, ФРС, эмиссия доллара.

The article analyzes the urgent problem of the mechanism of the world financial crises emergence. On the basis of vast statistical data the author reveals deficiencies of existing theories which explain the genesis of crisis phenomena in the world economy and suggests his own model of a controllable crisis. According to the author, the world financial crises of the last two centuries are the result of purposeful activities. This research is based on the interdisciplinary approach.

Keywords: financial crises, Kondratieff waves, Federal Reserve System, dollar emission.

Выяснение основных причин возникновения экономических кризисов было и остается одной из самых актуальных научных задач. При этом множество гипотез о происхождении кризисов можно свести к четырем основным теориям (моделям): стохастической, циклической, теории кризиса перепроизводства и теории управляемости. В основе этих моделей лежат следующие фундаментальные процессы: случайность, ее противоположность – закономерность (циклическость) и волевая причинность.

Целью данного исследования является обоснование тезиса об управляемости кризисов и выдвижение на его основе эмпирически выверенной модели кризисов.

Широкое распространение в экономической науке имеет циклическая теория, а именно – гипотеза о существовании экономических циклов, регулярных колебаний уровня деловой активности (от экономического бума до спада). В настоящее время различают четыре цикла разного периода: краткосрочные циклы Китчина –

колебания со средним периодом 3–4 года; среднесрочные циклы Жюгляра (7–11 лет); циклы Кузнеца (15–20 лет); циклы Кондратьева – длинные волны с периодом в 40–60 лет.

Суть гипотезы о циклической природе кризиса состоит в том, что его может провоцировать наложение (интерференция) экономических циклов разной частоты. Математическая проверка данной гипотезы сильно затруднена в силу того, что четких циклов с неизменным периодом ученым выделить до сих пор не удалось. Однако в исторической хронологии экономических процессов накоплены достаточно четкие привязки к временной оси, что позволяет верифицировать гипотезу сфазированности. Исследование ставило целью на материалах исторических конъюнктурных рядов установить примерные фазы четырех экономических циклов – Кондратьева, Кузнеца, Жюгляра и Китчина, проанализировать примерные амплитуды волн и получить результат наложения их друг на друга с целью увидеть возможность возникновения кризисов вследствие этого резонансного наложения. Это можно сделать, имея данные о среднем периоде каждого из циклов и его условной амплитуде [Коротаяев, Цирель 2009; Maddison 1991; Juglar 1862] (рис. 1).

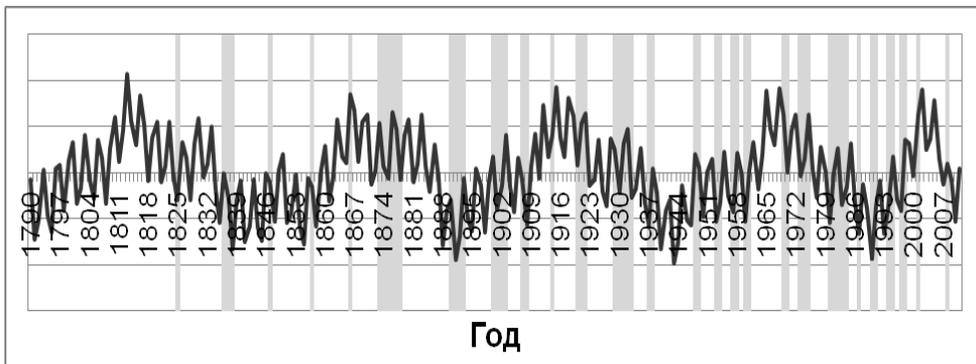

Рис. 1. Сопоставление сфазированных четырех волн с периодами кризисов

Как видно из рис. 1, определенного и закономерного синхронизма между результирующей волной и наступлением экономических кризисов не наблюдается. Введя понятие универсального суммарного цикла на основании самого длинного из циклов, авторы также пришли к выводу, что все мировые кризисы должны приходиться на какую-то универсальную фазу. При этом если бы причиной кризисов являлось резонансное превышение некоего порога устойчивости, то статистически кризисы должны были бы сгруппироваться в какой-то определенной фазе универсального цикла. Однако анализ исторических рядов экономических показателей выявил, что кризисы не группируются, а распределены примерно равномерно (рис. 2).

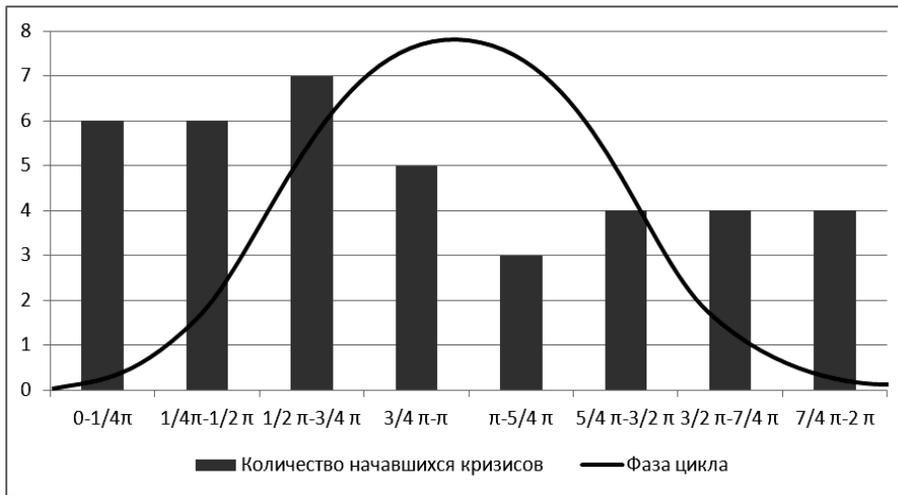

Рис. 2. Универсальный суммированный цикл конъюнктуры и привязанное по фазе местоположение кризисов (количество наблюдаемых в истории кризисов)

Таким образом, циклическая теория кризисов не получила подтверждения при более внимательном анализе.

Аналогичным образом не подтверждается и стохастическая гипотеза кризиса (Ф. Кюдланда и Э. Прескотта) [Kydland, Prescott 1982: 134–137], в основе которой лежит тезис о неопределенности, непредсказуемости мировой экономической конъюнктуры, что обосновывается различной природой и уникальностью кризисов, имевших место в истории, большим числом субъектов экономической деятельности. В реальности имеются факторы, отвергающие основной постулат данной теории – постулат об отсутствии закономерностей. Этими факторами являются наличие совершенно четкой тенденции к сокращению сроков межкризисных интервалов и учащение кризисов, а также наличие синхронизма в изменении целого ряда показателей экономического состояния в предкризисные периоды (рис. 3).

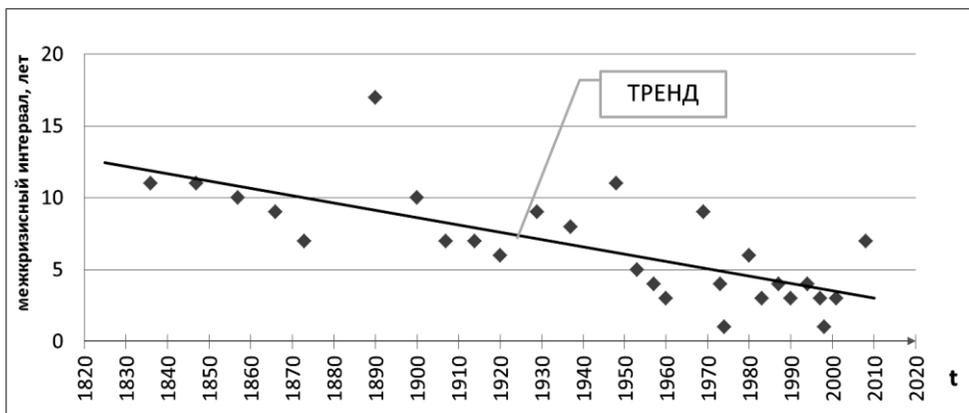

Рис. 3. Межкризисные интервалы по всей истории кризисов

Теория кризиса перепроизводства, самая распространенная в классической экономической теории объяснительная модель, строится на понимании причины экономических кризисов как превышения предложения над спросом товаров, вызванного отсутствием планирования совокупного производства в условиях свободного рынка. Чаще всего кризис перепроизводства рассматривается в качестве одной из фаз среднесрочного экономического цикла Жюгляра, то есть отчасти данная гипотеза может быть опровергнута вышеизложенными аргументами. Кроме того, рассмотрение кризисов двух последних столетий [Гринин, Коротаев 2010: 300–311] показывает, что в большинстве случаев детонирующий сбой происходит прежде всего в наиболее связанных с финансовым капиталом отраслях торговой и финансовой деятельности. Начавшись, кризис далее переходит на сферы реального производства, но его глубина программируется именно в финансовых отраслях. Таким образом, стоит говорить не о кризисе перепроизводства, а прежде всего о кризисах в финансовой сфере.

* * *

Поскольку ни одна из рассмотренных выше гипотез не объясняет убедительным образом природу финансовых кризисов, логичен вывод о существовании качественно иных причин их наступления. Авторская гипотеза управляемого кризиса базируется на понимании субъектной причинности кризисов, их искусственности, инспирированности и инструментарном характере.

Для того чтобы доказать непротиворечивость этой гипотезы, нужно найти, во-первых, бенефициаров, или субъектов, которые обладают набором инструментов для запуска кризиса и которым выгодно его наступление. Во-вторых, необходимо указать цель и интерес, преследуемые ими, методы их достижения и реализации.

Ключ к ответу на поставленные вопросы лежит в вопросе макросоотношения материального и соответствующего финансового оборота, иначе говоря, в соотношении реальной и виртуальной экономики. В настоящее время на мировом уровне денежная эмиссия превышает материальное производство в 10 раз, в то время как приемлемое соотношение – 1:2 [Якунин и др. 2012: 374]. Причиной такого дисбаланса является отсутствие механизма ответственности за поддержание этого баланса у страны-эмитента основной резервной валюты перед мировым сообществом.

Поскольку со времен Второй мировой войны доллар является основной валютой, а его эмиссией занимается ФРС, можно утверждать, что именно ФРС и стоящая за ней группа лиц есть клуб бенефициаров, а мировые институты и даже целые национальные государства, не исключая и самих США, являются его заложниками [Якунин и др. 2012].

Механизм кризиса срабатывает следующим образом: мировая резервная валюта – доллар – является товаром, которого «вдруг» становится настолько много, что он «дешевеет». В таких условиях происходит разбалансировка предложения и спроса и мировой продавец долларов вынужден предпринимать определенные действия для удержания собственной прибыли на прежнем уровне.

Таким образом, цель, преследуемая бенефициарами, – увеличение доходности своей деятельности. Собственно, выгодоприобретающим субъектом является

ФРС и стоящая за ней группа лиц. Методы, используемые ими: бесконтрольная эмиссия ничем не обеспеченной валюты, производные финансовые инструменты, а также изъятие денежной массы из свободного обращения.

Волевая субъектная причинность возникновения кризиса проистекает из **«вечного» конфликта труда и присвоения**. Человек, для того чтобы жить, должен потреблять блага, источником появления которых является труд (если пренебречь «дарами» природы). Другим источником получения блага может быть его присвоение: разбой, военный отъем, рента (торговая спекуляция, процентный доход от ссудного финансового капитала, добавочная стоимость).

В современных условиях продажа очень специфического товара, а именно денег, есть одна из форм присвоения. Эта продажа является сверхвыгодным предприятием, поскольку если себестоимость 100-долларовой купюры составляет 4 цента, то прибыль от ее продажи будет составлять 250 000 %. На протяжении истории конфликт между трудом и присвоением только нарастал, а в последние десятилетия, после отмены конвертации доллара в золото в 1971 г., появления «цифровых денег», фьючерсных контрактов, кредитных деривативов, он достиг своего апогея.

Сегодня глобализация во многих регионах мира рассматривается как «новая форма империализма». На тесную связь одной доминирующей мировой валюты и единого стандарта демократии указывали многие политики, ученые и общественные деятели, такие как Ж. Аттали и Х. Арендт. Примером тому могут служить те обстоятельства, что в ходе переговоров с Японией, Кореей и своими европейскими союзниками США настояли на отмене субсидий и отказе от протекционизма в критически важных отраслях, проповедуя идею «торговли вместо помощи». При этом в 2001 г. Белый дом ввел пошлины на ввоз стали в США, мотивируя это тем, что «критически важная отрасль» страдает от наплыва импорта. Вопреки правилам свободной торговли США добились исключительных льгот для своего сельского хозяйства и текстильной промышленности. Принятие закона о фермерских хозяйствах, увеличившее субсидии американским производителям ряда сельскохозяйственных продуктов, вытеснило с американского рынка 75 % бразильского экспорта.

Таким образом, можно аргументированно утверждать, что ведение экономической политики по двойным стандартам стало визитной карточкой США. Результат данной политики налицо – в конце 1990-х гг. на население США (4,5 % населения планеты) приходилось более 21 % мирового ВВП, а доля США в мировом ВВП увеличилась с 20 % в начале 1990-х гг. до 30,4 % в 2000 г.* Высокий уровень потребления в Америке поддерживается в режиме *присвоения*, поскольку значимую часть национального богатства США составляют ценные бумаги, весьма условно связанные с реальным сектором экономики, а значительная часть мировой экономики так или иначе работает на Соединенные Штаты.

Глобальное *присвоение* достигается США с помощью целой системы экономических, финансовых и политических инструментов, в ряду которых:

* В зависимости от применяемой методики расчета ВВП США (абсолютная величина или с учетом паритета покупательной способности) достигает трети или четверти всего производимого в мире валового продукта.

- создание, искусственное поддержание и увеличение спроса на доллар в мире, что дает возможность осуществлять «экспорт» долларов из США в обмен на товары других стран;
- политически и экономически обусловленные кредиты развивающимся странам, обрекающие их на разрушение экономики;
- махинации на фондовых и валютных биржах (наглядный пример – обрушение фондовых и валютных рынков Юго-Восточной Азии в 1997–1998 гг.);
- информационные манипуляции;
- манипуляции ценами на мировом рынке (обрушение цен на нефть в 1986 и 2008 гг.).

Угроза падения курса доллара является весьма эффективным средством принуждения других государств финансировать американскую военную экономику и американский экономический рост, поскольку многие страны мира являются крупными держателями казначейских ценных бумаг США. Это стало очевидным в 1970-х гг., когда американскому доллару как международной валюте альтернатив не оказалось.

Однако проповедуемое США «евангелие экономической глобализации» [Престовиц 2005: 9] не выдержало проверки финансовым кризисом 1997–1998 гг. В течение 1990-х гг. «экономическое чудо», возникшее в 1960-е гг. в Японии, охватило Корею, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Малайзию и Таиланд. Кризису предшествовал приток инвестиций из США, Японии и Европы в экономику Юго-Восточной Азии. На этом фоне лидеры стран Азиатско-Тихоокеанского региона на встрече в Индонезии в 1994 г. поддержали глобализацию, объявив о создании организации Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества и взяв обязательство к 2020 г. обеспечить полную свободу торговли. Но механизм кризиса уже был запущен. В самый неподходящий момент иностранные банки, как по команде, потребовали возвращения краткосрочных займов, а хедж-фонды начали играть на понижение тайского бата. Свидетельством «рукотворного» характера данного кризиса явился отказ Б. Клинтона оказать помощь Таиланду, несмотря на давление со стороны мирового сообщества. Падение малазийской и индонезийской валют, гонконгского доллара и корейской воны началось сразу за обвалом бата. Обращает на себя внимание, что меры премьер-министра Малайзии Махатхира по спасению ринггита путем запрета продажи малазийских ценных бумаг без покрытия и введения ограниченного контроля движения денег в стране встретили жесткую критику со стороны международной финансовой элиты и американского правительства, вследствие чего Малайзия была отрезана от внешних финансовых источников. Остальные страны вынуждены были реструктуризировать свою экономику по рецептам МВФ, находящегося под сильным влиянием ФРС. Показательно, что Минфин США пресек все попытки Японии самостоятельно оказать помощь странам Юго-Восточной Азии. Белый дом не мог позволить себе потерять единоличный контроль над регионом Юго-Восточной Азии [Там же: 51, 87–95].

Тот факт, что проводимая под руководством МВФ либерализация ускорила переход активов от отечественных владельцев к иностранным, позволяет сделать вывод, что финансовые кризисы *всегда* вызывали переход собственности и власти к тем, кто сохранял свои активы и имел возможность предоставлять кредиты. Для

предотвращения перерастания контролируемых региональных кризисов в глобальный приходится организовывать «помощь» в виде кредитов, которые, в свою очередь, еще больше способствуют закреплению финансовой гегемонии США и их союзников, по сути дела, входящих в клуб бенефициаров, связанный с ФРС. Таким образом, система международного кредита представляет собой один из скрытых каналов финансового паразитизма.

Итак, финансовые кризисы организуются рукотворным образом и в этом смысле являются управляемыми. В свою очередь, современное манипулирование правом эмиссии мировой резервной валюты представляет собой классический пример паразитирования и присвоения благ. Вечный конфликт труда и присвоения, праведного и неправедного начал в потреблении благ приобрел сегодня своеобразную форму, которая вполне реконструируется на научном языке теории и моделирования.

Выдвигаемая авторами **модель управляемого кризиса** базируется на ряде гипотез, которые верифицируются на основе статистических данных:

а) исторически доминирует один и тот же механизм управляемого циклического кризиса;

б) понимание механизма управления кризисом (мотивов его бенефициаров и их действий) позволяет прогнозировать новые кризисы;

в) возможна разработка рекомендаций мировому сообществу по преодолению кризисов.

Методология научного доказательства включает в себя следующее.

1. Введение понятия стандартного цикла финансового кризиса и его статистическое «портретирование».

2. Вскрытие причинно-следственных связей взаимозависимых параметров развития через устойчивость задержек во времени.

3. Выявление устойчивых мотивов и интересов лиц, управляющих кризисами.

Итак, основная гипотеза модели управляемого кризиса строится на предположении об устойчивом архетипе поведения мирового эмитента (негосударственной независимой Федеральной резервной системы США). Он состоит в стремлении максимизировать доходность. Торговля долларом является сверхдоходным бизнесом (250 000 %), что заставляет производителя этого товара организовывать свой бизнес по авантюрному, кризисному сценарию. Доходность эмитента в общем виде представляет собой: доходность \approx (номинальная) \times (физическая) \times (финансовая активность):

$$D \sim C \times (M + \Delta M) \times \Phi \times K.$$

Номинальная доходность (D) определяется ставкой рефинансирования (C) и объемом денежной массы (M + ΔM), где M – накопленная денежная масса, а ΔM – текущий эмиссионный прирост. Физическая доходность (Ф) определяется возможностью обмена необеспеченных «банкнот» на реальные блага. Ее характеризует региональный валютный курс доллара в странах и регионах обменов (K). Показатель финансовой активности учитывает, что не вся эмитированная и введенная в мировые обмены денежная масса «работает».

Для того чтобы создать финансовый кризис, то есть дефицит оборотного капитала, необходимо управлять мировой денежной массой (ее инструмент – пра-

во эмиссии доллара, принадлежащее ФРС). Но этот инструмент ограничен, поскольку он «работает» только на положительных приростах денежной массы и позволяет лишь уменьшать их до нуля. Однако для организации кризиса необходим значительный дефицит денежной массы. Крупные финансовые операторы, связанные с центром принятия решений (ФРС), являются дополнительными механизмами, которые помогают «заморозить» оборот уже эмитированной массы. Отследить существование этого механизма можно путем наблюдения за изменчивостью коэффициента финансовой активности (активность мировых инвестиций, которая является доступным статистическим показателем). Таким образом, становится возможной количественная оценка доходности эмитента с точностью до тенденции. Математически «тенденция» позволяет увидеть причинно-следственные связи, что уже достаточно для проверки гипотезы на достоверность.

Итак, латентный клуб бенефициаров (стоящий за спиной ФРС), может управлять как спросом на товар (доллар) путем эмиссии и ценой товара (ставка рефинансирования), так и «финансовой активностью», отдавая команды по цепочке соподчиненных институтов. На деле это срабатывает следующим образом. Хотя региональным курсом доллара управляют национальные правительства, однако в случае подчиненности авторитету, политическому или военному диктату США, десоверенизированные правительства определяют курс доллара в рамках стратегии, навязываемой США в своих интересах.

При построении модели кризиса и его «портретировании» важно учитывать, что те параметры, которые управляют ФРС непосредственно, откликаются на «команды» сразу же (цена товара). Те же показатели, которые управляют ею косвенно, откликаются на принятие решений с некоторой задержкой. Все это находит подтверждение в анализе экономических показателей разных стран мира, а значит, очерченная схема функционирования финансовой системы является верной.

Итак, перейдем к рассмотрению **механизма возникновения мировых циклических финансовых кризисов**. Если рассматривать доллар как товар, то поставщик этого товара – Федеральная резервная система США, – как и любой продавец, преследует три цели:

1. Продать как можно большее количество товара.
2. Продать товар как можно дороже.
3. Сделать доллар как можно более дорогим с точки зрения товарного наполнения.

По сути дела, мировые финансовые кризисы представляют собой экстренные меры в условиях, когда не удается достичь максимальных показателей по поставленным целям.

Авторам представляется, что кризисы развиваются **по трехфазной циклической модели** (рис. 4).

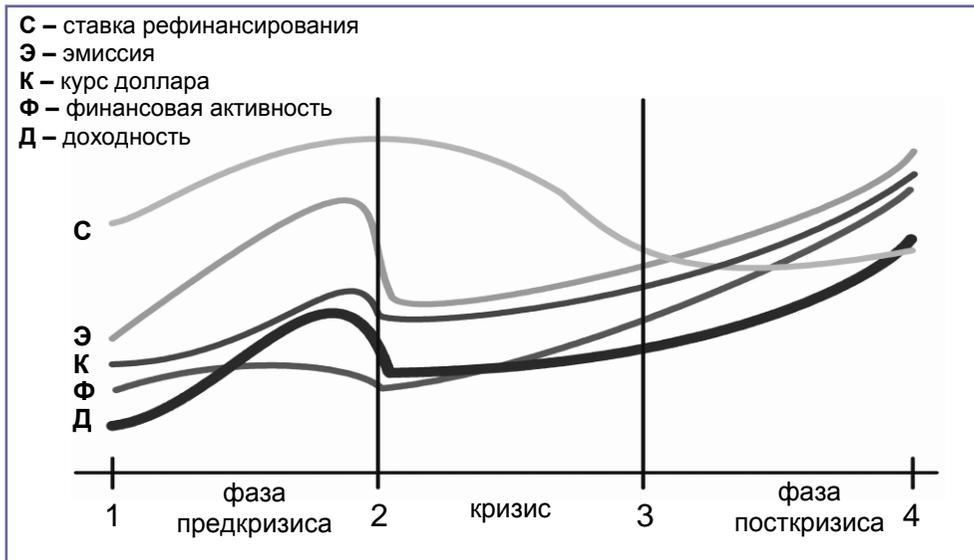

Рис. 4. Модель стандартного трехфазного циклического кризиса

Первая фаза – предкризисная. Вторая – сам кризис, третья фаза – посткризисная. В первой фазе эмитент стремится максимизировать свою доходность. Он наращивает ставку рефинансирования, объемы эмиссии и в общем стремится увеличить все доступные его влиянию сомножители доходности, что приводит вследствие перенасыщения рынка к падению курса доллара и снижению финансовой активности и, как следствие, – к падению доходности в целом.

У эмитента и его закулисных бенефициаров возникает задача: повысить спрос, курс доллара и активность, для чего на ниспадающей ветви доходности «организуется» кризис в виде: 1) резкого снижения объемов эмиссии (создается дефицит денежной массы); 2) снижения «по указке» финансовой активности (усиливается дефицит денежного оборота, то есть снижается эффективная накопленная денежная масса M и соответственно Φ); 3) снижения ставки рефинансирования для восстановления спроса на товар-доллар. Собственно, все эти меры и приводят к ситуации кризиса.

Во второй фазе (собственно, фаза кризиса) предпринятые меры дают результат, а именно – начинается рост курса доллара и финансовой активности. Останавливается падение доходности. В третьей, посткризисной, фазе она окончательно восстанавливается, и стандартный кризисный цикл замыкается. Более того, статистика показывает, что доходность в итоге оказывается на уровне, превышающим докризисный показатель.

Проведение статистического анализа 13 кризисов (рис. 2) показало, что все кризисы проистекали по изложенной выше модели. Такая закономерность может наблюдаться только тогда, когда действует одна и та же причина кризиса – управляемость. Кроме того, несовпадение конечных точек соответствующих кривых

с начальными (рост доходности, о котором мы говорили выше) позволяет утвер-

ждать, что клуб бенефициаров и страна-эмитент в итоге получают прибыль от кризисов, то есть достигают своей интегральной цели.

Помимо данного факта ответственность ФРС и латентного клуба бенефициаров за организацию мировых кризисов может быть также подтверждена тем, что, как показывает статистика, США испытывали ущерб всего в 9 % случаев кризиса за период 1960–2010 гг. В случае с Россией этот показатель достигает 67 % (1990–2000 гг.). Также весьма показательна статистика мировых кризисов в сопоставлении с собственно американскими рецессиями. При построении исторической зависимости величины межкризисного периода она получается принципиально разной для внеамериканских мировых кризисов и собственно американских. Кризисы в США происходят все реже, а в мире – все чаще.

И, наконец, последнее, но не менее важное. Денежной массой в мире, как выше уже говорилось, могут управлять финансовые мировые организации, объединенные в кланово сплоченную интернациональную сеть. При этом коэффициент клановости (показатель, который отображает долю лиц в руководстве, объединенных существенно значимым для их деятельности признаком – орденское членство, родственность, землячество, национальность) топ-состава ФРС, подсчитанный по данным публичных официальных досье, составляет 47 %. Для сравнения: для политического истеблишмента России этот коэффициент исторически достигал своих максимумов, но никогда не превышал 35 %.

Итак, статистическая феноменология подтверждает гипотезу и объяснительную модель управляемости финансовых кризисов.

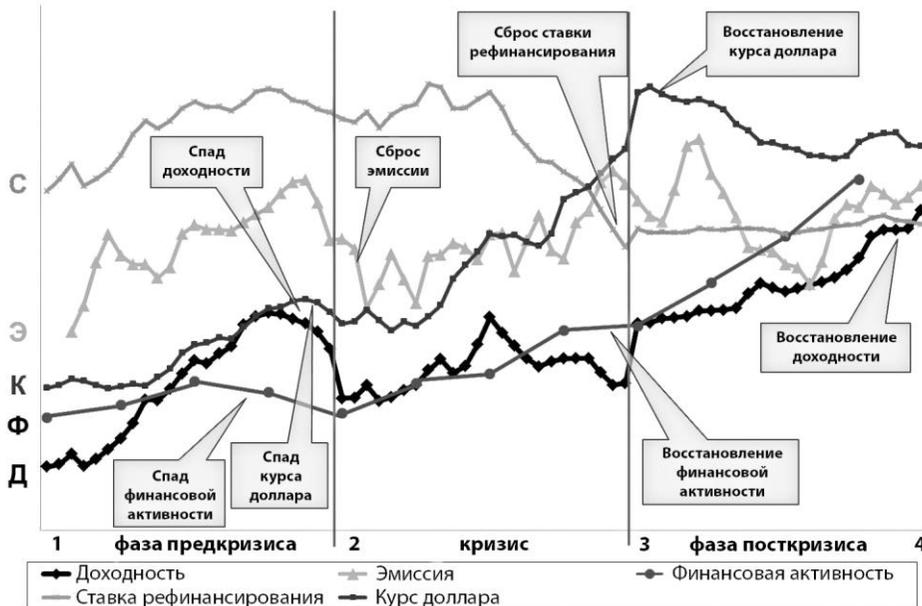

Рис. 5. Статистический трехфазный портрет мирового циклического кризиса (построено по статистическим данным ФРС и Мирового банка)

Наконец, стоит отдельно остановиться на том, что вышеописанные тренды, а именно рост уровня доходности и учащение и углубление кризисов, связаны напрямую, и эта связь имеет огромное значение в прогностическом плане. Рост доходности приводит к постепенному сближению исходного (предкризисного) уровня и порога устойчивости системы. В какой-то момент трендового роста исходной предкризисной доходности она достигнет порога устойчивости. Этот момент станет моментом **возникновения суперкризиса**, преодолеть и контролировать который в рамках существующей системы связей будет просто невозможно, и, очевидно, этот кризис покончит с текущей финансовой системой. По авторским подсчетам, этот срыв может произойти в районе 2022 г., а это означает, что мир вступает в период нестабильности, войн, терактов, экономических потрясений.

Остановимся более подробно на **механизме управления мировой ликвидностью**, поскольку, как мы показали выше, именно он является критически значимым для контроля над финансовой системой.

Рубежным событием в функционировании международной финансовой системы стал 1971 г. – год отмены золотого долларова стандарта. Начиная с этого момента доллар оказался не обеспеченным никакими реальными активами, он обеспечивался товарами и услугами, объем которых оценивался все теми же деньгами, и вскоре оказался несопоставим с денежной массой.

В итоге финансовая система приобрела все признаки типичной финансовой пирамиды, управляемой ФРС США. Стоимость доллара определяется постоянно генерируемым искусственным спросом на него как на главную мировую резервную валюту. Фактически доллар является «ценной бумагой», опирающейся только на доверие к нему плательщиков, обеспеченное сложной системой политических, психологических, военных, финансовых и организационных мер. Устройство международной финансовой системы обязывает все страны пользоваться долларом в качестве главной резервной валюты, основного платежного средства, обеспечивающего международную торговлю, и, что еще более значимо, брать долларовые кредиты, для выплаты процентов по которым, как правило, приходится прибегать к еще большим займам в тех же долларах. Все это в сумме дает ФРС право и возможность неограниченной эмиссии, что создает мировую финансовую пирамиду [Лисовский 2011].

При этом лишняя денежная масса систематически «сбрасывается» на международный товарный рынок в обмен на сырье или переливается в высокоприбыльные сектора финансового рынка. По этой причине начинают надуваться разные «пузыри». Например, в 1995–2000 гг. деньги шли прежде всего в сектор высоких технологий, что отражает индекс NASDAQ. До 2000 г. этот индекс рос почти по экспоненте, а общий объем капитализации составил порядка 10 трлн долларов. Цена акции многих компаний в сфере информационных технологий увеличивалась ежегодно в десятки раз. Потом вверх пошли ценные бумаги, связанные с ростом цен на недвижимость. Таким образом, сфера приложения спекулятивного капитала может меняться, поскольку стимулирование постоянного роста потребления на внутреннем и внешнем рынке является необходимым условием функционирования мировой финансовой системы.

Другим инструментом поддержания относительной стабильности финансовой пирамиды являются международные кредиты, дающие мощный «сток» ничем не

обеспеченной валюты взамен на поставки реальных ценностей – сырья и товаров. При этом ФРС перекладывает большую часть последствий эмиссии долларов на мировую финансовую систему.

Если в математической модели мирового взаимодействия валют рассматривать деньги как инструмент борьбы за доминирование, то мы увидим, что стремление внедрить свою валюту на мировой рынок присутствует всегда и оно способствует созданию ситуации неустойчивости и суперкризиса как кульминации этой неустойчивости.

Прогнозирование очередного кризиса, равно как и прогнозирование в целом, может быть достоверно только тогда, когда оно основано на выявлении определенной закономерности развития прогнозируемого явления. Закономерность можно выразить в математическом виде и использовать ее уже математическую модель для прогноза развития тех или иных параметров. Если в модели правильно отражена исходная закономерность, то, мониторируя соответствующие параметры, можно прогнозировать развитие и, в частности, финансовые кризисы.

При этом сложность прогнозирования масштабных социальных систем связана с множественностью одновременно идущих процессов, которые маскируют и «зашумляют» мониторируемый результат, однако эта сложность может быть преодолена методами статистического сглаживания, фильтрации, выделения доминант из шумов. Аналогичным образом может быть учтена и субъективность или воля «суперправителей» (или группы лиц), которая может повлиять на изменения макроэкономических показателей. В частности, для тех, кто имеет возможность вызывать на мировых рынках спекулятивные настроения или иным способом (например, управляя эмиссией мировой резервной валюты) влиять на глобальные экономические показатели, наиболее вероятным архетипом является извлечение дохода.

Даже при всей своей вероятности и условности ценность прогноза заключается в том, чтобы сгладить ущерб, который может быть нанесен кризисом. Принципиально достижимым в рамках прогнозирования является указание вероятности закономерных сроков возникновения кризиса.

Итак, современная система мировых финансов несправедлива, паразитарна, поскольку она базируется на присвоении блага, кризисогенна и неустойчива. Мир так или иначе придется находить способы ее модификации. Эти способы могут быть декоративными, что происходит сегодня в условиях доминирования США и западного альянса, но в принципе решение задачи существует, и оно возможно только при правильном понимании природы мировых обменов и финансов, их теневых сторон.

Потребность и важность мировых материальных обменов обуславливает необходимость единой обменной валюты. Корень проблем заключается в том, что страны, вступающие в международные товарно-денежные отношения, как и в индивидуальных обменах между людьми, объективно нуждаются в эквиваленте стоимости. Золото и иные ценные материалы в конце концов уступили место валюте в силу недостатков общего объема, физических неудобств оборота и по политическим и экономическим причинам.

Самым опасным обстоятельством в устройстве современной финансовой системы является тот факт, что национальная валюта одного государства, США, превратилась в мировую резервную валюту, эквивалент стоимости

в международных обменах. В итоге США превратились в банкира-кредитора, получая за торговлю своей валютой в мире банковскую маржу невероятных размеров. Переставая различать собственную национальную валюту и мировую, страна-эмитент ввиду отсутствия международного контроля может попросту печатать валюту в неограниченных количествах и приобретать на нее реальные блага. Если страна сильна в военно-политическом, экономическом отношении, если она при этом, например, предлагает половине мира свои политические функции ядерного зонтика или политического патрона различных клановых, в частности, интересов, если она настолько искусна, что правящие режимы в ущерб своим странам служат интересам страны-эмитента, то в таком случае формируется мировая паразитическая система, в которой главным бенефициаром выступает страна-эмитент.

Мировые финансово-экономические кризисы при этом являются результатом волевых усилий страны-эмитента, нацеленных на восстановление падающей доходности своей системы.

Встает принципиальный вопрос: возможно ли создать иные системы мировой резервной валюты? В перспективе, вероятно, да. Но это произойдет в итоге череды силовых попыток, глобальных «воспитательных» кризисов, вероятно, военных конфликтов, глобальных терактов и дестабилизирующих политических событий. Мир входит в эту полосу.

Существующая паразитарная схема основана на нескольких главных ноу-хау, или технологических решениях.

1. Эмиссия доллара осуществляется бесконтрольно со стороны мирового сообщества.

2. Мировая резервная валюта совпадает с национальной валютой.

3. Мировые «регуляторы» (МВФ и Всемирный банк) являются не мировыми, а сателлитными к национальному эмитирующему центру, а именно ФРС и США.

4. ФРС является практически частной клановой структурой, стоящей даже над самим государством США.

5. Мировая финансовая система в своей части мировой валюты, ее эмиссии и распространения фактически является клановой частной, обслуживающей достаточно узкую группировку так называемых бенефициаров.

6. Мировая финансовая система, основанная на долларе, является паразитарной, обслуживает эксплуатацию узкой группой бенефициаров практически всего остального мира.

Соответственно перечисленные начальные условия являются постановкой задачи по переустройству мировых финансов. Все инициативы, которые сегодня наблюдаются в мировом сообществе, так или иначе должны быть связаны с решением поставленной задачи или ее составных частей.

Именно поэтому выдвигаемые на этапе современного кризиса лидерами G-7 или G-20 предложения относительно более эффективного контроля эмиссии мировых финансов, производных финансовых инструментов, создания новых мировых финансовых регуляторов, выработки критериев оценки функционирования мировой финансовой системы, то есть предложения относительно второстепенных вопросов, не способны разрешить проблем, с которыми столкнулось челове-

чество. По сути дела, для действующего клуба бенефициаров подобного рода саммиты и заседания являются лишь способом оттянуть время.

История конфликта эксплуататора и эксплуатируемого на национальном уровне дает человечеству урок: бескровно такие конфликты не разрешаются. Солидаризация, консолидация и действие-противодействие эксплуатируемого мира являются обязательным условием и исторической неизбежностью. Мир должен начать консолидацию в отличном от западного альянса ареале. Когда-то это были СССР, арабский мир, Китай, социалистический лагерь и так называемый третий мир. Сегодня это в первую очередь Китай, Индия, Латинская Америка, по-прежнему арабский мир (несмотря на разгром арабской солидарности в ходе инспирированных «революций»), Россия (при условии освобождения от добровольного американоцентризма и неолиберализма). И хотя в настоящий момент признаки такой консолидации могут быть охарактеризованы как не очень явные и решительные, однако предстоящее десятилетие (2010–2020 гг.) будет проходить под знаком указанной консолидации.

Какова могла бы быть конструктивная программа этого движения в части мировой финансовой системы? Отвечая на сформулированные выше вызовы, она могла бы включать в себя следующее.

1. Мир должен двигаться к обновленной моновалютной системе, но выведенной из-под паразитарной системы доллара, ФРС, США и западного альянса.

2. Поскольку указанный альянс будет этому всячески препятствовать, мир может временно перейти к бивалютной системе. Вторая валюта должна стать прообразом будущей единой мировой валюты.

3. Мир должен создавать параллельные институты: аналог ООН, точнее, мирового правительства, с функциями социализации, гуманизации мира, с Мировым банком и единой мировой валютой, не совпадающей ни с одной национальной валютой, что принципиально, с аналогом общественных фондов потребления для перераспределения в пользу бедных стран (а не кредиторов, как это происходит в системе МВФ).

Неважно, какое название будет у новой единой мировой валюты. Например, от слов “world” и “currency” ее можно назвать “wocur” или как-то иначе. Главное, чтобы она не совпадала с любой национальной валютой. Главное, чтобы эмитирующий центр не совпадал с любым национальным центром эмиссии. Этот мировой центр эмиссии, банк кредитования, должен быть симметричными по отношению к любой стране мира. Поэтому органы-регуляторы должны формироваться не на основе вноса-вклада страны, как, например, сейчас делается в МВФ, а на основе принципа «одна страна – один голос».

Поскольку такой центр эмиссии и соответствующий банкинг будут приносить доход, который сегодня потребляют клуб бенефициаров, стоящий за спиной ФРС, и отчасти США, то он должен быть направлен в специальный фонд (аналог МВФ) и также находиться под симметричным мировым контролем. Его средства могли бы играть роль общего протобюджета мира для его (мира) социализации, реализации цели перераспределения, помощи бедным странам и в случаях форс-мажорных обстоятельств покрытия ущерба, нанесенного тем или иным странам.

Очевидно, что практически все указанные функции сегодня отработаны на уровне национального государства. В развитии мира наступает этап, когда он входит в процессы гомогенизации – не универсализма как глобализации по западному плану (закрепления паразитирования), но реального сближения человечества.

Достаточно ясно, что США и Запад будут торпедировать такую реконструкцию мировых финансов. Поэтому более активную позицию могли бы занять Китай, Индия, арабский мир, Россия, СНГ, Латинская Америка.

Насколько реалистичен такой план? На данный момент он, конечно, произведен от количества долларовых запасов и ценных бумаг США у государств, от соблазна самим построить аналог нынешней ФРС и монополии доллара или хотя бы региональной монополии собственной валюты. Поэтому путь к принципиально новой системе организации мировых финансов будет долгим и непростым. Ускорять и стимулировать этот процесс будут все новые кризисы, а теория управляемых мировых финансовых кризисов позволяет прогнозировать, что они неизбежны и будут происходить все чаще.

Если говорить о роли России на этом неизбежном пути, то ее сначала необходимо реабилитировать из того состояния, которое заставляет отнести современную Россию к сателлиту западного проамериканского альянса, включенного в систему мирового кланового управления. Не стоит поддаваться под обаяние политической риторики некоторых современных российских политиков, которые вроде бы пытаются опровергнуть указанный тезис. Риторика очень часто расходится с практикой.

Россия вполне могла бы выйти в мир с предложением, основанным на вышеизложенных идеях. И это предложение было бы сообразно той роли, которую Россия традиционно играла в мире.

Литература

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Глобальный кризис в ретроспективе: Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена. М., 2010. (Grinin L. E., Korotayev A. V. Global crisis in retrospective: A brief history of raisings and crises: From Lycurgus to Alan Greenspan. Moscow, 2010).

Коротаев А. В., Цирель С. В. Кондратьевские волны в мировой экономической динамике // Системный мониторинг. Глобальное и региональное развитие / под ред. Д. А. Халтуриной, А. В. Коротаева. М., 2009. (Korotayev A. V., Tsirel S. V. Kondratieff waves in the world economic dynamics // System monitoring. Global and regional development / Ed. by D. A. Khaltourina, A. V. Korotayev. Moscow, 2009).

Лисовский Ю. А. Экономика безумия. М., 2011. (Lisovsky Yu. A. Economy of madness. Moscow, 2011).

Престовиц К. Страна-изгой. Односторонняя полнота Америки и крах благих намерений. СПб., 2005. (Prestovits K. Rogue country. Unilateral completeness of America and crash of good intentions. St. Petersburg, 2005).

Якунин В. И., Сулакшин С. С. и др. Политическое измерение мировых финансовых кризисов. М., 2012. (Yakunin V. I., Sulakshin S. S., et al. Political measurement of world financial crises. Moscow, 2012).

Juglar C. Des crises commerciales et leur retour periodique en France, en Angleterre et aux Etats Unis. Paris, 1862.

Kydland F., Prescott E. Time to Build and Aggregate Fluctuations // *Econometrica*. 1982. Vol. 50. No 6. Pp. 1345–1370.

Maddison A. *Dynamic Forces in Capitalist Development*. Oxford, 1991.